

Ни Янчжоу был ошеломлен этой цифрой.

Держащая ручку рука замерла, так и не выведя ни единого знака.

Вчера пять процентов, а сегодня, всего через двадцать четыре часа, уже сорок пять?

Я ослышался?

Ни Янчжоу попытался мысленно вызвать систему, чтобы прослушать прогресс еще раз и удостовериться в цифрах. Но система, как и в момент его появления, оставалась глуха к любым попыткам взаимодействия, лишь изредка подавая голос, который мог слышать только он сам.

Она напоминала односторонний радиоприемник, а Ни Янчжоу был единственным слушателем в этом мире. Система отдавала приказы, Ни Янчжоу исполнял их, а система периодически сообщала о прогрессе.

Подумав, он написал на чистом листе бумаги сверху: сорок пять процентов, аккуратно добавил дату, день недели и погоду. С такой серьезностью, будто первоклассник, только начавший вести дневник.

Затем он достал еще один лист и записал вчерашние показатели, дату, день недели и погоду. Ни Янчжоу принялся перечислять события этих двух дней, пытаясь найти различия.

В первый день, сразу по прибытии в этот мир, с момента возвращения из школы до восьми вечера, когда прозвучало сообщение о пяти процентах прогресса, прошло около двух часов. За это время он контактировал лишь с Янь Цзинем и соседкой напротив. От Янь Цзиня он получил приглашение в рощу на следующий день, а от соседки узнал о краже и нападении в четвертом подъезде. В сумме это дало пять процентов.

Сегодня же он контактировал с Мэн Тином, Пань Дунсюэ, классным руководителем, который по совместительству преподавал английский, Ли Юанем, Цзяо Кайфэном, старостой Чжан Минь, директором Чжаном, Янь Цзинем, толпой трудных подростков, задирой Вань Синжуном и, наконец, тем самым парнем в кожанке, которого он все-таки избил.

Все это в сумме дало сорок процентов.

Связано ли это с решенными проблемами? Или с местами, где он побывал?

Ни Янчжоу отметил треугольниками Вань Синжуна, парня в кожанке и Янь Цзиня, а затем добавил в список школу, закусочную за школой, магазин, рощу, кабинет директора и деревню, где жил Мэн Тин.

Закрыв глаза, он восстановил в памяти события, чтобы ничего не упустить.

Ни Янчжоу обвел имя Мэн Тина жирным кругом, взял новый лист и набросал таблицу с заголовками: Главный герой, Жертва, Убийца (Антагонист), Второстепенные персонажи.

Поколебавшись, он вписал Мэн Тин в колонку Главный герой.

Подумав еще немного, он также внес имя Мэн Тин в колонку Убийца (Антагонист).

Затем он перешел к Янь Цзиню, с которым общался гораздо больше. После долгих раздумий Ни Янчжоу поместил его в колонку Жертва.

Исписанные листы бумаги напоминали спутавшийся клубок ниток, в котором невозможно было отыскать нить сюжета. Ни Янчжоу чувствовал себя беспомощным ребенком перед грудой рассыпанных кубиков: задача состояла в том, чтобы собрать из них великолепный Запретный город.

С остальными персонажами он контактировал слишком мало, и как бы он ни пытался их распределить, результат его не удовлетворял. Он невольно вздохнул.

Лист с записями о Мэн Тине и Янь Цзине был разорван пополам, остались только заголовки. Ни Янчжоу посмотрел на обрывок, скомкал его и бросил в мусорное ведро.

Парень закрыл глаза рукой и откинулся на спинку стула. Он думал о том, что нельзя слишком рано распределять роли — это ведет к предвзятости и ошибкам. Если он хочет вернуться домой, нужно выполнять задание как следует, семь раз отмерив, прежде чем один раз отрезать.

Он завел будильник, выключил настольную лампу и в темноте лег в кровать, погружаясь в беспокойный сон.

На следующее утро, еще до звонка будильника, Ни Янчжоу открыл глаза. Лежа в кровати, он не мог выбросить из головы стремительный прогресс задания.

Странное дело.

Когда прогресс составлял пять процентов, он был спокоен, даже настроился на длительную борьбу и подумывал о том, чтобы подтянуть учебу оригинала. Но после вчерашнего резкого скачка его охватила тревога.

Главный герой и антагонист наверняка были среди тех, с кем он виделся вчера.

Интересно, сколько еще ему суждено провести в этом мире?

Было еще рано, и Ни Янчжоу решил наконец привести себя в порядок. Вчера он прошел пешком больше часа, участвовал в драке, вспотел. Приняв душ, он заодно сменил постельное белье.

Когда он доставал из шкафа чистую наволочку, то нащупал внутри что-то твердое. Перевернув ее, он обнаружил вшитую внутрь хлопковую салфетку, а в ней — сберегательную книжку, на обороте которой карандашом был записан пароль.

Спрятано на совесть.

Остатка на счету хватило бы, чтобы безбедно прожить до конца университета.

Еще вчера Ни Янчжоу радовался денежному вознаграждению от Янь Цзиня, гордясь тем, что собственными силами заработал капитал для жизни в книге, а сегодня в одночасье превратился в обеспеченного богача.

Эти деньги...

Ни Янчжоу долго рылся в ящиках стола и нашел милую записную книжку. Он решил использовать ее для учета расходов на еду.

Вернув сберегательную книжку оригинала на место, он решил: если не появится других источников дохода, не стоит ломать голову над подработками — лучше использовать средства оригинала, просто ведя строгий учет.

Интересно, когда произойдет преступление из сюжета романа и сколько времени ему понадобится, чтобы найти убийцу?

Ни Янчжоу не питал иллюзий, что полиция справится сама. Если бы все было так просто, системе не было бы смысла забрасывать его в книгу.

После утренней суматохи, примерно в то же время, что и вчера, Ни Янчжоу снова оказался в той же закуской. Учтя вчерашний опыт и зная, что порции здесь большие, он заказал лишь порцию соевого творога и две палочки ютяо.

Ютяо только что вытащили из фритюра: золотистые, с хрустящей корочкой, но совсем не жирные. Ни Янчжоу больше всего любил тот самый звук при первом укусе, который отдавался в ушах, словно хруст обледенелой травы ранней осенью — звонкий и отчетливый.

Соевый творог, посыпанный зеленым луком, был нежным и гладким, с насыщенным вкусом и

аппетитным видом. В закусочной можно было бесплатно взять маринованные стрелки чеснока; Ни Янчжоу добавил немного на край миски, размешал маленькой железной ложкой, и на языке раскрылась целая палитра вкусов — так вкусно, что хотелось проглотить все за раз.

Ни Янчжоу с довольным видом отставил миску и, подняв голову, снова увидел Мэн Тина, который стоял спиной к нему, покупая булочки.

Тот же наряд: выцветшая школьная форма, простая обувь без украшений, медицинская маска, скрывающая половину лица.

Настоящему красавцу не нужны ни особый стиль, ни выгодные ракурсы — он безупречен с любой стороны.

Ни Янчжоу не стал медлить и первым поздоровался:

— Учитель Мэн!

Парень, забиравший соевое молоко и булочки, услышал знакомый голос и обернулся.

Ни Янчжоу сидел на том же месте, что и вчера, и наконец закончил приветствие, которое не успел произнести накануне. Его щеки покраснели от пара, исходящего от горячего завтрака, а кончики волос в лучах утреннего солнца казались серебристо-серыми, словно набросок карандашом.

Мэн Тин кивнул.

— Пришел позавтракать? — Ни Янчжоу приглашающе махнул рукой и сменил тон: — Угощайся палочкой ютяо, учитель Мэн.

— Не нужно.

Мэн Тин с пакетом еды прошел мимо, на секунду задержался, вспомнив вчерашнюю череду отказов, и все же добавил:

— Дома ждут завтрак.

— О, понятно! Я тоже закончил, пойдем вместе? — с улыбкой спросил Ни Янчжоу.

Никто бы и не подумал, что еще вчера вечером он заносил этого красавца в список подозреваемых.

Мэн Тин посмотрел на надкушенную палочку в его руке, затем снова перевел взгляд на лицо Ни Янчжоу.

Ни Янчжоу тут же продемонстрировал фокус с исчезновением еды.

Не видя никаких эмоций на лице красавца, он, жуя, почувствовал, как в воздухе разливается неловкость.

К счастью, тот оказался человеком холодным снаружи, но добрым внутри и лишь бросил:

— Идем.

Ни Янчжоу поспешил следом.

Утренний воздух был напоен ароматом трав, и чем ближе они подходили к деревне, где жил Мэн Тин, тем сильнее чувствовалась эта смесь сырости и зелени. Солнце поднималось выше, туман рассеивался, а запах растений становился все гуще.

Ни Янчжоу не ошибся в своих вчерашних расчетах: путь от закусочной до дома Мэн Тина быстрым шагом занимал около тридцати минут.

Мэн Тин не был похож на того, кто станет каждый день бегать так далеко ради еды. Кто же этот человек, который ждет его дома?

Ни Янчжоу шел, не переставая размышлять. Закусочная была недорогой, но для человека, который экономит даже на стержнях для ручки, логичнее было бы перекусить чем-то дома.

Что за семья у Мэн Тина?

Ни Янчжоу кое-что знал: в первый день, когда он просматривал информацию в кабинете, он наткнулся на личное дело Мэн Тина. В графе Отец значилось Умер, а в графе Мать было вписано красивое имя — Коу Илянь.

Ни Янчжоу следовал за ним, Мэн Тин не оборачивался. Оба молчали — то ли по молчаливому согласию, то ли потому, что слова были излишни.

Наконец они добрались до кирпичного дома с двориком у подножия холма. Мэн Тин обернулся, их взгляды встретились, и Ни Янчжоу сам сказал:

— Я подожду тебя снаружи.

Мэн Тин снова кивнул и, не проронив ни слова, с соевым молоком, которое еще сохранило тепло, вошел во двор.

Ни Янчжоу прислонился к стене у ворот, не пытаясь заглянуть внутрь, и просто расслабился, разглядывая пейзаж.

Мэн Тин достал из кармана связку ключей, выбрал самый большой латунный, открыл входную дверь. Пройдя в пристройку, он достал серебряный ключик и отпер красную деревянную дверь с облупившейся краской в восточной части дома.

Высокий парень вошел внутрь, слегка пригнувшись, чтобы не удариться о притолоку, и направился к старому коричневому туалетному столику. Он достал из-за пазухи еще теплые булочки, перелил соевое молоко в белую фарфоровую чашку, а затем осторожно коснулся тыльной стороны руки старушки, лежавшей на краю кровати.

Веки женщины дрогнули, она медленно открыла глаза. В них давно не осталось прежнего блеска, белки помутнели, редкие сухие волосы были аккуратно убраны за уши, а на кончиках завязаны красные ниточки.

В молодости она, должно быть, была удивительной красавицей: даже сейчас, несмотря на старость, можно было различить широкий лоб и тонкий прямой нос. Но кожа утратила гладкость, под глубокими глазницами залегли тени, а обвисшие щеки покрывала сеть морщин, складки у глаз напоминали горные хребты.

Она действительно постарела.

Коу Илянь подумала об этом. Постарела настолько, что не может поднять руки, перевернуться или самостоятельно встать, чтобы выпить горячего бульона.

Она увидела размытый силуэт юноши рядом и протянула иссохшую руку, которую тут же подхватили сильные ладони.

Он умело и бережно помог ей присесть, устроив так, чтобы она могла удобно и спокойно опереться на край кровати. Старые кости отозвались благодарностью — казалось, она сможет продержаться еще несколько лет.

Коу Илянь, направляемая его руками, взяла теплое соевое молоко и, медленно работая несколькими оставшимися зубами, откусила кусочек мягкой булочки.

Все тот же вкус, что и прежде.

Коу Илянь смотрела на свет, пробивавшийся сквозь окно, и снова начала витать в облаках. Юноша рядом слегка коснулся ее руки, и она словно очнулась, продолжив неторопливо есть.

Наконец, когда с едой было покончено, Коу Илянь повернула голову к свету и спросила человека у кровати:

— Алан, где наши дети?

<http://bllate.org/book/20878/2109723>